тальную структуру, отражающую представления носителя языка о том или ином объекте действительности, имеющую языковую репрезентацию и включающую в себя помимо понятийного компонента систему образов, ассоциаций, оценок и переживаний. По словам В.И. Карасика, каждый общественный институт в коллективном языковом сознании обобщен ключевым концептом этого института. Так, ключевой концепт политического дискурса – власть, педагогического – обучение, религиозного – вера, юридического – закон, медицинского – здоровье и т.д. [3]. Игровая направленность юмористического дискурса приводит к тому, что ключевые концепты институциональных дискурсов получают в нем иное – юмористическое – осмысление. Тем самым происходит шутливое переосмысление моральных и утилитарных норм, догматов и основополагающих ценностей. Но сам факт так называемой профанизации скарального подчеркивает его значимость и актуальность.

Итак, институциональный и юмористический дискурс представляют собой типы дискурса, выделяемые с разных позиций: социолингвистической и прагмалингвистической. По своим свойствам институциональный и юмористический дискурс могут быть противопоставлены как нормативный и свободный, серьезный и несерьезный, утилитарный и игровой. Между тем институциональный дискурс является базой для юмористического дискурса, который переворачивает традиционные модели коммуникации, обыгрывает принятые языковые клише, прецедентные тексты и переосмысляет базовые концепты, создавая тем самым новую игровую реальность. При этом на когнитивном уровне институциональный и юмористический дискурсы содержат одни и те же базовые ценности, присущие данной лингвокультуре. Но языковая репрезентация этих ценностей осуществляется принципиально не сходными путями.

Литература

1. *Арутюнова, Н.Д.* Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. – М., 2003. – С. 164.

2. *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград, 2002.

3. *Карасик, В.И.* О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5 – 20. – URL: http://shtab.russian-latvia.info/main.php?w2 =pressa&id=1027.

4. *Мироненко, М.В.* Шутник как коммуникативная личность: дис. ... канд. филол. наук / М.В. Мироненко. – Волгоград, 2005. – URL: http://31f.ru/dissertation/162-dissertaciya-shutnik-kak-kommunikativnaya-lichnost.html

5. *Морозова, А.М.* Специфика юмористического дискурса. Жанр анекдота / А.М. Морозова // Lingua mobilis. – 2009. – № 4 (18). – С. 52 – 60.

6. *Русакова, О.Ф.* PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ / О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. – Екатеринбург, 2008. – URL: http://www.madipi.ru

7. *Шлепкина, М.А.* Деловой дискурс как институциональное явление. Роль клише в деловом дискурсе / М.А. Шлепкина // Современная филология: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.) / под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. – Уфа, 2011. – С. 222 – 227. – URL: http://www.moluch.ru/conf/phil/archive/23/151.

8. *Щурина, Ю.В.* Речевые жанры комического / Ю.В. Щурина // Жанры речи: Сб. науч. ст. – Саратов, 1999. – С. 146 – 157.

9. *Щурина, Ю.В.* Шутка как речевой жанр: автореф. дис. … канд. филол. наук / Ю.В. Щурина. – Новгород, 1997.

УДК 821.161. 1«18»

Р.М. Лазарчук

ПЕРВЫЙ ВОЛОГОДСКИЙ АДРЕС К.Н. БАТЮШКОВА
(к поискам дома, где родился поэт)

Светлой памяти Нелли Николаевны Беловой

В статье на основе архивных материалов реконструируется история дома, где родился поэт, устанавливается первый вологодский адрес К.Н. Батюшкова.

А.Г. Батюшкова, Л.С. Бердяев, дом, Первая часть города Вологды, Дворянская улица.

The article considers the history of the house where K.N. Batyushkov was born on the basis of archival materials and defines the first address of the poet in Vologda.

A.G. Batyushkov, L.S. Berdyaev, house, the first part of Vologda city, Dvoryanskaya street.

Поиски первого вологодского адреса К.Н. Батюшкова начались относительно недавно, в преддверии 200-летия со дня рождения поэта. В.А. Кошелев (а именно ему отечественная наука обязана постановкой данного вопроса) высказал предположение о том, что «отец поэта жил на казенной квартире», т.е. в доме, идущем по прокурорскому ведомству [25, с. 172]. Логика рассуждений исследователя представляется совершенно естественной. Однако, проверяя эту версию «показаниями» других документов, мы пришли к неожиданным результатам: дома губернского прокурора в Вологде не было ни в 1787-м, ни позже, в 1791 – 1792-м гг., когда Николай Львович уже оставил Вологду и уехал в Вятку, к месту своего нового назначения.

Только в 1787 году были утверждены планы под

постройку казенных каменных домов вологодским вице-губернатору, почтмейстеру, казначеям и коменданту [1]. Вообще, судя по «Ведомости, учиненной 1792 января месяца <…> о количестве градского отстроения и числе жителей», в Вологде было всего два казенных строения этого типа: дома генерал-губернатора и губернатора [3, л. 7]. Тогда, может быть, Н.Л. Батюшков с семьей проживал в казенных квартирах, находящихся при присутственных местах, или в домах, «отданных для постою..»? (Прецеденты подобного рода известны: «В доме, в котором изволит квартировать господин полковник комендант Онучин, на дрова и прочие мелочи – 48 рублей») [9, л. 5]. Нет, это исключено. Указ Правительствующего Сената от 13 июля 1775 года предписывал «давать квартиры <…> если в котором городе казенных домов не будет» «… губернаторам, воеводам, их товарищам и прокурорам», т.е. только высшим должностным лицам [31, с. 184]. В июле 1786 года Н.Л. Батюшков был переведен в Вологду на имеющуюся там вакансию прокурора 2-го департамента верхнего земского суда. Чиновнику такого ранга казенной квартиры не полагалось. Их квартирный вопрос решался иначе. Чтобы уяснить, как именно, обратимся к личному опыту Николая Львовича.

26 апреля 1785 года прокурор губернского магистрата коллежский асессор Батюшков был переведен из Великого Устюга в Ярославское наместничество на ту же должность. Сохранился любопытный документ – письмо, датированное 17 марта 1785 года и адресованное Лукьяну Ивановичу Боборыкину. Оно зафиксировало тот способ разрешения «квартирной ситуации», который был характерен для 1780-х гг.: «Если Вам надобно дом Ваш ярославский *продать* или *отдать внаймы*,[1] то перемещается из Устюга на место Филатьева прокурор Батюшков, которому нужен будет дом, чего для и извольте переписаться об оном, о чем предварительно Вас уведомляю» [14, л. 10]. Мы не знаем, состоялась ли эта сделка и на каком из вариантов, предложенных канцелярией ярославского генерал-губернатора, Николай Львович остановился. Через год, когда ситуация повторилась, отец будущего поэта оказался перед той же дилеммой: купить собственный дом или снимать жилье. Изменилась лишь мотивация выбора. Ярославль был для Н.Л. Батюшкова только временным пристанищем, еще одной остановкой в пути, конечной целью которого должна стать Вологда. Николай Львович никогда не скрывал своих предпочтений. В его прошениях, в ходатайствах его благодетелей желание Н.Л. Батюшкова служить в Вологде объяснялось тем, что он «деревни свои имеет по Вологодскому наместничеству» [19, л. 532]. Впрочем, это не единственная причина. С вологодской землей были связаны корни жены Николая Львовича, Александры Григорьевны, урожденной Бердяевой; здесь жила большая бердяевская родня. Логично предположить, что Н.Л. Батюшков должен был купить в Вологде дом. Но купил ли?..

Документ, подтверждающий наличие у Батюшковых своего дома, был найден в результате сплошного обследования фонда 178 «Вологодская палата гражданского суда». Он мог быть обнаружен давно, его наверное отыскали бы другие исследователи, если бы не небрежность составителя описи № 10, исказившего подлинное название документа (оно значится на титульном листе дела: «По просьбе прапорщика Льва Бердяева о даче на подаренную [от него] надворной советнице Александре Батюшковой дареной записи» (Ср. его наименование в описи:«По прошению прапорщика Бердяева о выдаче ему жалованной грамоты на владение дома»)) и тем самым надолго «засекретившего» важный архивный источник.

В деле [8, л. 1 – 2] два листа; на втором приводится выписка из журнала Вологодской гражданской палаты, представляющая собой краткое изложение прошения Л. Бердяева (оно занимает л. 1 – 1 об.) и решение суда. Документ датирован 9 марта 1787 года. Его содержание может быть передано тремя фразами. В начале марта 1787 года Л.С. Бердяев подарил А.Г. Батюшковой деревянный, на каменном фундаменте, дом с флигелями, конюшнею, сараем, погребом и «прочим строением». Дом находился в «новостроящейся Дворянской улице на отведенном ему по плану месте» и был оценен «по совести» в 200 рублей. Лев Степанович получил его в подарок от титулярного советника Н.Ф. Румянцева, первого владельца и строителя дома [8, л. 1]. Ситуация достаточно редкая… Приставка ПЕРЕ-, как известно, обозначает «повторение действия заново» [32, стлб. 416 – 418], в нашем случае передарить – подарить дареное. Для нравственного оправдания подобного поступка должны быть какие-то серьезные основания и какие-то особые отношения между «дарителем» и получателем подарка. Попытаемся восстановить их, насколько возможно.

Лев Степанович – средний из трех сыновей Степана Григорьевича Бердяева [26, с. 107], родного брата отца Александры Григорьевны – Григория Григорьевича – и Параскевы Ивановны [12, л. 7 об.], урожденной Кукариной [18, л. 1]. А.Г. Батюшковой он приходился двоюродным братом, а ее сыну Константину – двоюродным дядей. Вот все, что было известно об этом лице из окружения Александры Григорьевны и Константина Николаевича Батюшковых.

Реконструируя биографию Л.С. Бердяева, мы опирались на разные источники: исповедные росписи, документы об отводе земли под постройку дома, окладная книга, хранящиеся в Государственном архиве Вологодской области, и послужные списки Льва Степановича из собраний Государственного архива Ярославской области (1787, 1792), Российского государственного архива древних актов (1786) и Российского государственного исторического архива (1802).

Метрической записи о рождении Л.С. Бердяева обнаружить не удалось. По-видимому, датой его рождения следует считать 1761 или 1762 год. По данным исповедных росписей церкви Всемилостивого Спаса, что на Угле, в 1770 году Льву Бердяеву было восемь лет [12, л. 7 об.], в 1771-м – десять [13, л. 440 об.]. Эти сведения совпадают с информацией, содержащейся в послужных списках Льва Бердяева: в 1786 году ему исполнилось 24 года [20, л. 498 – 499],

[1] Курсив здесь и далее мой. – *Р.Л.*

в 1792-м – 30 [16, л. 6], в 1802-м – 41 [22, л. 80 об.].

«Внешняя» биография Л.Бердяева обычна для дворянина: военная служба продолжала оставаться в ней почти обязательным элементом. Однако в отличие от своего отца Л. Бердяев не сделал военной карьеры. Зачисленный в Лейб-гвардии Измайловский полк солдатом в 1775 году, средний сын подполковника Степана Бердяева был пожалован в прапорщики (первый офицерский чин) только через десять лет и вскоре вышел в отставку [16, л. 6 об. – 7].

Это решение означало перемену места жительства (вместо столицы – провинциальная Вологда, которая совсем недавно, в 1780 году, стала центром наместничества) и новый род занятий. Лев Степанович был определен к статским делам. С конца августа 1786 года он служит стряпчим губернского магистрата [16, л. 6 об. – 7]. Лев Бердяев не беден. По разделу отцовского наследства, состоявшемуся в 1782 году (Степан Бердяев оставил трем сыновьям 1069 душ), он получил около 400 душ (372 из них в сельце Браткове с деревнями Грязовецкой округи Вологодского наместничества) [5], [12]. Заметим, что именно Лев, а не его брат Николай (как принято считать) был последним владельцем этой родовой усадьбы Бердяевых (1782 – 1810). В феврале 1810 года недвижимое имение Л. Бердяева продано с аукциона «за неплатеж его казенных и партикулярных долгов надворному советнику Федору Никитичу Кандалинцеву». Цену – 115000 рублей – предложил покупщик [21, л. 30]. К началу 1786 года Лев Степанович уже женат. Его избранницей была дочь покойного вологодского помещика коллежского асессора Антона Белеутова. Приданым Александры Антоновны Белеутовой стали 82 души в деревне Филипповской Тихвинской округи Новгородского наместничества [15, л. 3 – 3 об.].

Реконструировать мысли и чувства *другого* человека, исторического в особенности, – задача трудно выполнимая. И все же рискнем предложить свое объяснение интересующего нас поступка Льва Степановича. Мотивация его кажется предельно простой. К октябрю 1786 года, т.е. к моменту переезда Батюшковых в Вологду, у супругов Бердяевых уже появился первенец – дочь Катерина. Молодая семья жила в небольшом (семь на шесть сажен) доме, подаренном тещей Льва Степановича – вдовой Марией Степановной Белеутовой [2, л. 1 – 2]. Александра Григорьевна ждала четвертого ребенка (сын Константин родился 18 мая 1787 года). За полгода до этого, 6 марта 1786 года, за «вексельные долги разных кредиторов» был продан дом покойного подполковника Григория Бердяева, деда поэта по материнской линии, «состоящий в г.<ороде> Вологде на Большой улице», в Первой части, в пятом квартале, № 103 [7]. Дом, подаренный Льву Степановичу Бердяеву титулярным советником Н.Ф. Румянцевым, находился в Первой части Вологды. Супруги Бердяевы жили во Второй, «в Обуховской линии, в 91 квартале». В конце мая – начале июня 1787 года Л. Бердяев получил разрешение выстроить на этом месте новый дом, «деревянный, на каменном фундаменте, размером двенадцать на восемь сажен» [2, л. 1 – 2].

Нет сомнений, что этот план возник гораздо раньше. На выбор места для строительства нового дома, безусловно, повлияло и место жительства тещи Л.С. Бердяева, Марии Степановны Белеутовой, – Вторая часть, Обуховская улица, № 860 [10, л. 31 об. – 32]. В сложившейся ситуации поступок Льва Степановича Бердяева может быть воспринят как совершенно естественный жест проявления родственного участия, деятельной помощи и бескорыстия.

Основным источником реконструкции биографии еще одного «дарителя», Николая Федоровича Румянцева, стал его послужной список, хранящийся в Российском государственном архиве древних актов [20, л. 326 – 327]. Румянцев родился в 1750 году. В мае 1762 вступил кадетом в Сухопутный кадетский корпус, в феврале 1769 – «отпущен в армейские полки подпоручиком», отставлен в чине поручика в ноябре 1770 года.

В 1783 – 1784-м гг. Н.Ф. Румянцев служит по выборам – заседателем Вологодского нижнего земского, а потом уездного суда. В апреле 1784 года он зачислен на должность асессора в Вологодскую палату уголовного суда; в феврале 1786 награжден чином титулярного советника. За Н.Ф. Румянцевым – 236 душ «в разных наместничествах и уездах». Он женат на «капитанской дочери девице Марье Степановой» и в 1786 году имел двух малолетних сыновей [20, л. 326 – 327]. Любопытно, что дальнейшая судьба Н.Ф. Румянцева (насколько это можно было проследить по «Месяцесловам с росписью чиновных особ в государстве») связана с Новгородским наместничеством: в 1789 – 1791-м гг. он предводитель Череповецкого дворянства [27, с. 126], [28, с. 138], [29, с. 132].

Приведем еще один факт, связывающий Николая Федоровича Румянцева сразу с двумя известными вологодскими фамилиями – Брянчаниновыми и Шипиловыми. Из документов Государственного архива Вологодской области, датированных маем – октябрем 1785 года, видно, что Н.Ф. Румянцев (вместе с Алексеем Никитичем Шипиловым) был опекуном малолетнего сына Прасковьи Андреевны Шипиловой и ее покойного мужа полковника статского советника Александра Федоровича Брянчанинова – Петра Александровича (1777 – 1829) [4, л. 1], на дочери которого, Елизавете Петровне, женится впоследствии сын старшей из сестер Батюшковых Анны – Григорий Гревенс [33, с. 367].

Ответа на вопрос, почему Н.Ф.Румянцев сделал Л.С.Бердяеву столь щедрый подарок, у нас нет. Однако установить дальнее и не прямое родство этих двух вологодских фамилий все же удалось. Из документов Вологодской палаты гражданского суда следует, что урожденной Бердяевой была Елизавета Петровна Румянцева, вдова брата Николая Федоровича, Ивана Федоровича [6, л. 1]. Ее отец, Петр Семенович, как видно из родословной Бердяевых, принадлежал к той же ветви угленских Бердяевых, что и братья Григорий и Степан Бердяевы [17, л. 15].

«История домов, – писал К. Паустовский, – бывает подчас интереснее человеческой жизни. Дома долговечнее людей и делаются свидетелями нескольких людских поколений» [30, с. 577]. Уникальность деревянного, на каменного фундаменте, дома, расположенного в Первой части Вологды, на ново-

строящейся Дворянской улице, заключается в том, что в течение небольшого отрезка времени он сменил трех хозяев не традиционным способом купли-продажи, а дарением. В истории дома, где родился К.Н. Батюшков, много неизвестных. Когда Н.Ф. Румянцев построил дом? Когда и почему подарил его Л.С. Бердяеву? Где находился дом? Каков его план, а он, как видно из прошения Льва Степановича, передавался из рук в руки: от Румянцева к Бердяеву, от Бердяева к Батюшковой. Все попытки найти ответы на эти вопросы оказались безуспешными. В фонде Вологодской гражданской палаты, т.е. там, где должны были отложиться разрешение на строительство дома и его план, выданные Н.Ф. Румянцеву, владельные записи, полученные Л.С. Бердяевым и А.Г. Батюшковой, этих документов нет. Батюшковы покинули Вологду в начале 1792 года. Что стало с домом? К кому и на каких условиях он перешел? Наконец, под чьей фамилией дом, где поэт прожил первые четыре года своей жизни, значится в «Городовой книге обывателей <…> Вологды», составление которой началось в 1792 году? [10].

Архивная находка подтвердила предположение, высказанное нами ранее: ориентиром в поисках первого вологодского адреса поэта должна стать церковь Святой великомученицы Екатерины, что во Фроловке, прихожанами которой были его родители [26, с. 51]. В этой церкви, находившейся на пересечении современных улиц Герцена и Предтеченской, крестили Константина и Варвару Батюшковых.

Но что дает установление местонахождения дома, где родился поэт? Еще один факт из биографии поэта? Не только, хотя и этого немало. По письмам К.Н. Батюшкова известно, с какой настойчивостью побуждал он Александру Николаевну строить новый дом в Хантанове: «Как жить без дому, как не иметь *пристанища*…» [23, с. 305]. Своего дома поэт так и не построил. В Петербурге он сменил не одну чужую, сдаваемую в наем, квартиру и даже в Хантанове ощущал себя в гостях: «Жить дома и садить капусту я умею, но у меня нет ни дома, ни капусты: я живу у сестер в гостях… » [24, с. 438].

Значит, дом на новостроящейся Дворянской улице, подаренный двоюродным дядей, родительский дом, где поэт появился на свет, был единственным в его жизни *своим* домом. С ним и связаны те самые «первые впечатления», о необходимости и важности которых Батюшков писал впоследствии:

> ……..…от первых впечатлений,
> От первых, свежих чувств заемлет силу гений
> И им в теченьи дней своих не изменит!
> [23, с. 223]

Константин Николаевич не мог не приходить сюда позднее, когда бывал в Вологде, навещая сестер, или, уже будучи больным, жил здесь: ведь в этой обители он, его мать и отец, его сестры были счастливы, хотя до катастрофы оставалось совсем недолго… Предвидим возражения: это только предположение. Однако отсутствие документальных свидетельств, подтверждающих факт, отнюдь не означает отсутствие воспоминаний. Натура тонкая, впечатлительная, Батюшков жил воспоминаниями: «Все мои радости и удовольствия в воспоминании» [24, с. 344] или: «Будучи болен и в совершенном одиночестве, я наслаждаюсь одними воспоминаниями» [24, с. 188] и при этом почти никогда не делился своими воспоминаниями. Мемуарный слой писем Батюшкова чрезвычайно тонок.

Дом – это не только стены, но и ландшафт, культурная среда, доминантами которой стали Свято-Духов монастырь[1] (памятник архитектуры первой половины XVII века) и построенная в 1775 году церковь Святой великомученицы Екатерины.

Биограф Батюшкова не может не задумываться над тем, почему старшая сестра поэта Елизавета Николаевна, скончавшаяся 12 августа 1853 года, погребена у стен Свято-Духова монастыря (теперь не существующего), а последней обителью ее мужа, Павла Алексеевича Шипилова, пережившего жену на два года, стал Спасо-Прилуцкий монастырь. Любящие супруги упокоились на разных вологодских кладбищах. Наверное, это была воля Елизаветы Николаевны. Что потянуло сентиментальную, мечтательную, склонную к экзальтации сестру поэта к местам ее детства? Может быть, воспоминания?

Источники и литература

1. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 203.
2. ГАВО. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 390.
3. ГАВО. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 401.
4. ГАВО. – Ф. 178. – Оп. 9. – Д. 62.
5. ГАВО. – Ф. 178. – Оп. 10. – Д. 14.
6. ГАВО. – Ф. 178. – Оп. 10. – Д. 85.
7. ГАВО. – Ф. 178. – Оп. 10. – Д. 473.
8. ГАВО. – Ф. 178. – Оп. 10. – Д. 1435.
9. ГАВО. – Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 16.
10. ГАВО. – Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 17.
11. ГАВО. – Ф. 496. – Оп. 1. – Д. 4211.
12. ГАВО. – Ф. 496. – Оп. 19. – Д. 201.
13. ГАВО. – Ф. 496. – Оп. 19. – Д. 205.
14. ГАЯО (Государственный архив Ярославской области). – Ф. 72. Оп. 2. Д. 539.
15. ГАЯО. – Ф. 72. – Оп. 2. – Д. 853.
16. ГАЯО. – Ф. 72. – Оп. 2. – Д. 1721.
17. ГАЯО. – Ф. 213. – Оп. 1. – Д. 1043.
18. ГАЯО. – Ф. 582. – Оп. 4. – Д. 730.
19. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 248. – Оп. 80. – Кн. 6592.
20. РГАДА. – Ф. 286. – Оп. 1. – Кн. 746.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1343. – Оп. 17. – Д. 3046.
22. РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 6. – Д. 527.
23. *Батюшков, К.Н.* Соч.: в 2 т. Т. I / К.Н. Батюшков. – М., 1989.
24. *Батюшков, К.Н.* Соч.: в 2 т. Т. II / К.Н. Батюшков. – М., 1989.
25. *Кошелев, В.* К биографии К.Н. Батюшкова / В.А. Кошелев // Русская литература. – 1987. – № 1. – С. 169 – 179.
26. *Лазарчук, Р.М.* К.Н. Батюшков и Вологодский край: Из архивных разысканий / Р.М. Лазарчук. – Череповец, 2007.
27. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето <…> 1789. – СПб., [1789].
28. Месяцеслов <…> на лето <…> 1790.– СПб., [1790].

[1] С 1775 года, после упразднения Спасо-Каменного монастыря (на Кубенском озере), он стал именоваться Спасо-Каменным.

29. Месяцеслов <…> на лето <…> 1791. – СПб., [1791].
30. *Паустовский, К.* Повесть о жизни / К. Паустовский // Паустовский К. Собр. соч. Т. 4. – М., 1982.
31. Полн. собр. законов Российской империи. Т. 20: 1775 – 1780. – СПб., 1830.
32. Словарь современного русского литературного языка. Т. 9 / ред. тома Н.З. Котелова, Г.А. Качевская. – М.; Л., 1959.
33. *Чекалова, И.В.* Новые материалы к биографии родственников К.Н. Батюшкова (по документам Государственного архива Вологодской области) / И.В. Чекалова // Батюшков. Исследования и материалы: Сб. научных трудов. – Череповец, 2002. – С. 362 – 374.

УДК 821.161.1-1

А.А. Лебедев
Научный руководитель: Н.В. Патроева

ТИПОЛОГИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЛИРИКЕ П.А. ВЯЗЕМСКОГО

В статье рассматриваются вопросы, связанные с типологией и функционированием сложных предложений в лирике П.А. Вяземского, которые исследуются как с точки зрения преобладания тех или иных типов конструкций, так и с позиции их роли в стихотворном тексте.

Сложное предложение, синтаксис П.А. Вяземского, поэзия XIX века.

This article considers the issues concerning the typology and functioning of complex sentences in the lyric poetry of P. A. Vyazemskiy, studied both in the context of prevalence of some or other types of structures and from the position of their role in the poetic text.

Complex sentence, syntax of P.A. Vyazemskiy, poetry of XIX century.

В настоящее время к проблемам, связанным с типологизацией и функционированием сложных предложений в творчестве поэтов обращаются многие исследователи, поскольку нельзя отрицать тот факт, что выбор и использование писателем тех или иных синтаксических конструкций накладывают определенный отпечаток индивидуальности на его авторский стиль.

Петр Андреевич Вяземский, талантливый поэт XIX века, был свидетелем и участником споров о языке между сторонниками «старого» и «нового» слога, где поддерживал представителей «нового языка», карамзинистов. Для своих литературных произведений он отыскивал, как он сам говорил, «в себе собственное, коренное, родовое; ничего не перенимал, никому раболепно не следовал» [2, с. 314]. При подготовке издания своего собрания сочинений поэт переработал многие стихотворные и прозаические произведения. Вяземский беспокоился о судьбе русского литературного языка в современной ему России и стремился не допустить излишних нарушений устоявшихся норм, направляя свое сатирическое перо и на новейших писателей. Он «соединял в своих поэтических и прозаических произведениях философичность, аналитизм и тонкий юмор, сатиру, высокую архаику, книжный усложненный синтаксис и простонародные словечки, разговорные интонации устной дружеской беседы, намеренно сталкивал разные функциональные речевые сферы, прибегал к стилистическим сбоям, таким образом демократизируя литературный язык с опорой на его лучшие традиции» [6, с. 394]. Все это отражалось не только на лексическом, но и на синтаксическом уровне его поэтического языка.

Синтаксис сложных предложений в лирике Вяземского весьма разнообразен в структурно-семантических отношениях и в целом демонстрирует преобладание полипредикативных построений над монопредикативными; синтаксис Вяземского в связи с этим более рационален, чем эмоционален. Нами был проведен анализ 286 стихотворений Вяземского, в которых было выявлено 1638 сложных предложений (в среднем 5,7 сложных конструкций на стихотворение). В ходе анализа было обнаружено 3490 репрезентаций связи между частями сложных предложений. Из них на сочинительную связь приходится 902 случая (25,85 %), на подчинительную связь – 1061 пример (30,40 %), на бессоюзную связь – 1527 употреблений (43,75 %). Таким образом, отчетливо проявляется активность бессоюзия в сравнении с сочинением и подчинением – это типичная черта стихотворных произведений вообще. Преобладание бессоюзной связи отражает специфику поэтической речи в целом, однако в позднем творчестве Вяземский отходит от частого употребления бессоюзных конструкций; стихотворения данного периода отличаются глубокой мыслью, построенной на причинно-следственной связи. Если проводить параллели между синтаксисом лирики Вяземского и общеязыковыми тенденциями, связанными с углублением и расширением гипотактической связи в языке, то нельзя не отметить тот факт, что у Вяземского гипотактический тип связи преобладает над паратактическим. Вместе с тем тенденции, связанные с демократиза-